

ФЬОРЕНЦА КОССОТТО:

Себе ничего не прощаю

Рудыгур. — 1998. — 10-16 сент. — с. 14

Она приезжала к нам пять раз. В 1964, 1974 и 1989-м — с труппой Ла Скала. Пела Розину, Амнерис, Адальджизу и Принцессу Буйонскую (в "Адриенне Лекуврер"). Приезжала в 1982-м с Гамбургской Оперой, закутанная в одежды Далилы. В последний раз была в Москве этим летом — как член жюри Конкурса имени Чайковского. Живая легенда, два десятилетия после ухода со сцены великой Джульетты Симионато практически не имевшая соперниц в родной Италии. Она и сегодня в шестьдесят три не знает покоя. Полна энергии и развезжает по свету с концертами.

— Нельзя ли получить несколько "рецептов" от Фьоренцы Коссотто — как сохранить голос?

— Особых рецептов нет. Главное — непрестанно учиться и никогда не ошибаться в выборе репертуара, то есть не выходить за рамки тебе подвластного и необходимо-го.

— Находит ли синьора в себе недостатки и какое из своих достоинств считает главным?

— Я слишком требовательна к себе. Любому другому певцу могу простить многое, но себе ничего не прощаю, и это меня очень мучает. То, что до определенного предела является достоинством, потом становится просто опасным для личности. Ну а мой плюс, наверное, в том, что я всегда очень хорошо подготовлена с точки зрения техники. Это дает ту внутреннюю свободу, без которой невозможно наслаждаться радостью перевоплощения на сцене. А певец, не получающий удовольствия от собственного пения, вряд ли доставит его и публике.

— Что вас волнует больше: блистательно взятое каким-нибудь тенором до или выразительнейшая по чувству фраза в исполнении заурядного с точки зрения вокальных данных баритона?

— У нас в Италии был тенор Тито Скипа, о котором нельзя было сказать, что у него необыкновенный, как, например, у Карузо, го-

лос. Но у него был такой врожденный артистизм, такое богатое внутреннее чувство, что, когда он пел, меня это повергало в такой же восторг, как если бы я слушала самую высокую ноту Карузо. И то и другое приносит мне удовольствие.

— Какие моменты в своей жизни вы считаете главными?

— Первый — это когда я, выиграв конкурс, оказалась в Ла Скала, попав тем самым в культурную среду самого высокого порядка. Сначала мне, естественно, дали небольшие роли: Ваню в "Сусанине", царевича Федора в "Борисе", пажа Урбано в "Тугенотах". А поскольку мне было двадцать с небольшим и я была очень, даже слишком, тоненькая, то период, когда я пела исключительно юншей, у меня растянулся надолго. Второе главное событие в моей жизни случилось в 1961 году. Это был подарок судьбы, шанс, который рано или поздно, думаю, выпадает на долю каждого певца. Главное тут — схватить удачу за хвост. Помню, я приехала домой после 6-часовой репетиции, репетировали Генделя. Вдруг, буквально за полчаса до вечернего спектакля, звонок из театра: "Симионато не может петь (а она была абсолютной примадонной и для публики, и для критиков), все брось и беги". С одной стороны, это был риск, потому что я очень устала, а Леонора, речь шла о доницеттиевской "Фаворитке", пар-

тия не из легких. С другой стороны, я была просто влюблена в этот персонаж и знала партию на зубок, хотя в театре мне до сих пор ее петь не приходилось... Словом, когда в финале первого акта я взяла в дуэте с тенором верхнее до, все начали кричать "браво", а так как до этого я исполняла только маленькие партии, публика, в сущности, меня не знала, и то, как я беру высокие ноты, было для нее сюрпризом. В третьем акте, где Леонора прощается с любимым, опять бешеные овации. А на следующий день газеты написали: на нашем небосклоне появилась новая звезда. С этого момента началась моя настоящая карьера.

— Карьера или семья — что было у вас на первом месте?

— Семья, сын.

— Он пошел по вашим стопам?

— Нет. Он сам выбирал свой путь. Закончил университет, занимается коммерцией.

— Подозреваю, если спрошу, что знаменитая певица предпочитает: светские рауты или семейные праздники, вы ответите...

— Семейные праздники. И еще — одиночество. Иногда необходимо побыть одному, чтобы почувствовать себя самим собой.

— Есть ли у вас неосуществленная мечта?

— О, думаю она так и останется неосуществленной! Дело в том, что в связи со спецификой моего голоса, голоса очень низкого, мой

удел — драматический репертуар. А меня всю жизнь манили такие образы, как Мими или Баттерфляй, заключающие в себе квинт-эссенцию женственности. Каждый раз, когда я слушаю Баттерфляй, я плачу, но мне не дано ее спеть.

...Поэтому в интерпретации "своих" партий для меня самое важное — подчеркнуть мягкие стороны женской природы. Например, если это Амнерис, то не гнев и не злость я выделю "красной строкой", а ее любовь. Любовь безнадёжную, что самое ужасное.

— Преподаете ли вы?

— Не могу постоянно этим заниматься, я очень занята. Но мастер-классы даю. Группы или приезжают ко мне в Италию (у меня большой дом на озере Гарда, недалеко от Вероны), или консерватории приглашают меня на 8–9 дней для того, чтобы поработать с наиболее интересными голосами.

— Краеугольный камень вашей педагогической методики?

— Я учу строго следовать авторской идее и искать ответы на всевозможные "почему", поскольку ни одна нота не поется просто так. Маленький пример: в сцене из "Трубадура", где Азучена начинает рассказывать о гибели маленького сына, в оркестре вдруг появляется тревожное "пу-пу-пу-пу". Почему? Потому что сердце цыганки начинает здесь биться сильнее. И, если в оркестре и у певца не будет этой единой пульсации, ничего не получится. Кажется, так просто, на самом же деле на это мало кто обращает внимание. Мне повезло — у меня были замечательные учителя, но я и сама специально их спрашивала: что, например, Верди хотел сказать в ту или иную минуту? Я бы хотела, чтобы те, кто приходит ко мне, всю жизнь задавались такими вопросами.